

Иллюзорный сон содрогнулся. Его границы начали осыпаться прахом. В последних воспоминаниях хозяина сна остался лишь Город Светлой Луны, окутанный вихрем священных заповедей: бесчисленные бледно-золотые руны взлетали ввысь, точно потревоженные бабочки, осыпая июньский город невероятным, чарующим снегопадом.

Там, на руинах Города Светлой Луны, умирающий юноша из последних сил поднимал обломок меча, чтобы обрушить его на поверженную тварь.

Мир перевернулся. Пейзажи рассеялись призрачным дымом, и Чэн Си обнаружил себя сидящим на коньке крыши. Он сжимал в руках плошку с очищенными водяными орехами и, словно любопытный кот, осторожно вытягивал шею, высматривая что-то внизу.

— Зачем же так усердствовать? — вздохнул он. — Пока голова на плечах, всё можно исправить, да и каждый из них лишь исполнял свой долг. К чему было отрезать себе пути к отступлению и идти на верную смерть? Сбежал бы Ли Ин пораньше — глядишь, ещё свиделись бы. Зачем было возвращаться?

Ли Цзин страхнул скорлупки от орехов, скопившиеся у ног, и искоса взглянул на него:

— Тут ты прав. Случись такое с тобой — в любом деле сплеховал бы, а вот удрал бы быстрее всех.

Чэн Си обиженно надулся:

— А как иначе? Ложиться костью, чтобы умереть в один день?

Ли Цзин подпёр подбородок ладонью и лениво отозвался:

— Не обязательно было устраивать бойню, где проигрывают оба. Су Шицин пригнул Ли Ина, слишком уж очеловечил его. Тот и позабыл, кто он на самом деле. А ведь он — порождение чужих кошмаров, демон разума. Он утянул за собой в иллюзорный сон тридцать тысяч душ Города Светлой Луны. Каждая из этих жизней была в его власти. Зная характер Су Шицина, который и так терзался чувством вины за роковую ошибку, тот не позволил бы погибнуть ни единому горожанину. Ли Иню вообще не стоило с ним драться. Достаточно было просто пригрозить. Обменял бы тридцать тысяч чужих, безразличных ему жизней на одного Су Шицина. Утащил бы его в Царство Демонов — и делай там всё, что душе угодно.

— Су Шицин любит лотосы и пешие прогулки, — продолжал рассуждать Ли Цзин. — Так и устроил бы: по нечётным дням они сажали бы цветы, по чётным — гуляли по Царству Демонов, а в оставшийся день вели бы беседы по душам. Ну а если по душам не задастся, можно перейти к делам плотским. Помнится, в оригинальном романе способности этого демона разума описывались весьма недурно. Занимая пост правой руки владыки, он без труда уберёг бы одного скромного заклинателя меча.

Ли Цзин рассуждал с самым безмятежным видом. Чэн Си, хоть и не до конца разделял его хладнокровие, проникся невольным уважением и заплодировал:

— Ну и подлец же ты.

Ли Цзин принял это как изысканный комплимент.

— Но зная непреклонный нрав Су Шицина, он бы точно с этим не смирился, — Чэн Си задумчиво потёр подбородок, послушно сворачивая вслед за Ли Цзином на кривую дорожку порочных мыслей. — Окажись он в Царстве Демонов, это была бы... любовь по принуждению? Взаперти?

Ли Цзин не сдержал смешка:

— Ого, а ты у нас, я гляжу, знаток.

Чэн Си отмахнулся:

— Не сбивай меня! Насильно мил не будешь, зато милый всегда под рукой! Конечно, всю жизнь человека под замком держать глупо. Можно ведь сначала совершить всё предначертанное, излить душу, а если и после этого Су Шицин останется холоден — что ж, тогда отпустить его.

Ли Цзин изогнул бровь. В его взгляде, устремлённом на Чэн Си, плясали насмешливые искорки:

— Отпустить птицу, которая уже сидит в твоей клетке?

— Это называется: отпустить леску, чтобы поймать крупную рыбу, — со знанием дела возразил Чэн Си. — Ведь Су Шицин наверняка питал к нему какие-то чувства. За годы совместной неволи можно было создать столько общих воспоминаний, которые врезались бы в самую душу... Защитить его от гнева самого Бога Демонов, получить ради него какую-нибудь неопасную, но выглядящую жутко рану... Действуй он тоньше и терпеливее, добыча рано или поздно сама бы сдалась.

Почувствовав на себе пристальный взгляд Ли Цзина, Чэн Си невольно попятился:

— Ты чего на меня вылупился?

Ли Цзин сокрушённо вздохнул:

— Ну теперь понятно, почему судьба забросила нас в тела злодеев. Твоя хвалёная добродетель,

как погляжу, весьма сомнительного толка.

Чэн Си ничуть не обиделся. Он панибратски приобнял Ли Цзина за плечи и ободряюще похлопал:

— Полно тебе, куда мне до твоих высот! Мои моральные принципы всегда зависят от обстоятельств. В конце концов, в этой жизни так трудно встретить то, что тебе по-настоящему дорого. И если подвернётся шанс, я когтями в него вцеплюсь, уж будь уверен.

Ли Цзин на мгновение задумался.

Иллюзорный Город Светлой Луны доживал последние мгновения. Чэн Си смотрел, как раскалывается небесный свод, унося во тьму застывших в воздухе небожителей Тройных Небес. На краю горизонта проступила тонкая блёклая полоса рассвета, принёсшая с собой дыхание настоящей метели.

— Су Сяотань, кажется, просыпается?

— Должно быть, — кивнул Ли Цзин. — Его воспоминания обрываются на этом моменте, дальше смотреть нечего.

В самом конце улицы силуэты демона разума и Су Шицина окончательно расплылись, превращаясь в белёсый туман.

— Если Су Шицин действительно убил его, то как демон возродился в нынешнем обличье? — недоумевал Чэн Си. — И потом, Су Шицина ведь наверняка объявили вероотступником. Но проклятие Бога Демонов... насколько я помню, у Тройных Небес был способ его снять. Раз подмога пришла вовремя, Су Шицин просто не мог погибнуть.

— Ответ на этот вопрос знает разве что второй главный герой, — Ли Цзин подхватил Чэн Си поперек талии и прыгнул на землю. Они просидели за созерцанием чужой драмы целых два месяца, и вот их затянувшийся сеанс наконец подошёл к концу.

— Не забывай, что мы всё ещё заперты в пространственной расщелине, — напомнил Ли Цзин, помогая другу твердо встать на ноги. — Бог ведь, куда занесло наши физические оболочки, так что будь осторожен, когда откроешь глаза.

С этими словами фигура Ли Цзина начала таять, поглощаемая наступающей тьмой вместе с последними обломками Города Светлой Луны. Чэн Си согласно кивнул. Глядя, как рушится и осыпается пеплом иллюзорный мир, он мысленно приготовился очнуться наяву.

Однако, закрыв глаза, он так и остался стоять посреди глухой, непроглядной пустоты. Он простоял так до тех пор, пока ноги не затекли и не начали подкашиваться.

Чэн Си:

«...»

Постойте-ка. А почему меня не вышвырнуло наружу?

Он приподнял полы халата и осторожно топнул. Тверди под ногами не чувствовалось, лишь бесконечный мрак обступал его со всех сторон. Сделав наугад несколько шагов, Чэн Си понял, что топчется на месте. Никаких изменений. Он попытался дотянуться до своего духовного хранилища, но пальцы натыкались на пустоту — все артефакты и защитные талисманы разом вышли из строя.

Чэн Си:

«...»

Его ведь утянул за собой Су Сяотань, верно? У Чэн Си отродясь не водилось никаких сердечных демонов или неразрешимых обид, так с какой стати он застрял в этой глухой пустоши?

Чэн Си охватило уныние. Он принялся бегать по этой темной прорве туда-сюда, ложился и катался по неосязаемому полу, кричал до хрипоты... Всё без толку. Мрак оставался глух к его призывам.

Когда счёт времени был окончательно потерян, Чэн Си всерьёз задумался: если он прямо сейчас удавит себя собственным поясом, поможет ли это душе вернуться в физическое тело? Но стоило ему взяться за узел на талии, как безмолвие пустоты нарушил едва слышный, нежный перезвон колокольчиков.

Чэн Си вскинул голову. Из темноты прямо на него выбежал призрачный юноша с неразличимыми чертами лица. Позади него, точно расписной свиток, развернулся яркий, живой мир: праздничные огни заливали улицу, превращая ночь в день, а в воздухе кружились мириады призрачных огней, похожих на плывущие по воде лотосы. Касаясь прохожих, они рассыпались крошечными сверкающими искрами. Судя по весёлому гомону толпы, это была ярмарка в разгар какого-то торжества. Призрачный юноша, весело смеясь, тащил за собой высокого статного мужчину. Кончики его волос взлетали в такт бегу. Обернувшись на бегу, он выкрикнул что-то задорное, и его спутник в ответ тепло, мягко улыбнулся. Юноша на секунду застыл, очарованный этой улыбкой, потерял равновесие и со всего размаху полетел прямо на Чэн Си.

— Только не в меня! — Чэн Си в панике закрыл голову руками, пытаясь уклониться, но в этот миг перед глазами полыхнуло золото. Из его собственного тела, словно спущенные пружины, одна за другой вырвались десятки сияющих золотых печатей. Они мгновенно соткали глухую преграду, отгораживая его от призрачного юноши, ярмарочного шума и праздничных огней.

Словно захлопнулись десятки кованых тяжелых дверей.

А затем его бесцеремонно вышвырнуло прочь.

Чэн Си распахнул глаза. На сей раз вокруг действительно сияло солнце, а под ногами ощущалась твердая земля. Синее небо, пушистые облака, сочная зелень листвы — и живой, настоящий Су Сяотань прямо перед ним. Тот сидел на траве, зажимая обеими ладонями нос, из которого всю хлестала кровь. Лицо бедолаги искажала гримаса невыносимого страдания.

Чэн Си опешил:

— Ой... А это что с тобой?

Су Сяотань, со слезами на глазах, выдавил:

— Это ты меня разукрасил.

Чэн Си поспешно отполз подальше:

— Не надо наговаривать! Я создание хрупкое, изнеженное, к насилию совершенно не способное.

Су Сяотань судорожно прижал к лицу шелковый платок и гнусаво запричитал:

— Господин Ли соврать не даст! Я увидел, что ты застрял в глубинах собственного разума, и из чистой доброты полез тебя вытаскивать. А ты в ответ как заедешь мне кулаком прямо в переносицу!

Чэн Си ошеломленно воззрился на Ли Цзина. Тот преспокойно сидел на траве поодаль и лишь согласно закивал, подтверждая обвинения пострадавшего:

— Чистая правда. С виду хрупкий, как тростинка, а силища недюжинная. Я даже руку вытянуть не успел, как ты ему припечатал.

Чэн Си виновато распластался в поклоне:

— Прости-и-и!

Су Сяотань тихонько всхлипывал, размазывая кровь по лицу. Едва вырвавшись из иллюзорного кошмара, он всё ещё блуждал в тумане скорби и раскаяния, не в силах отпустить призраков прошлого. Он чувствовал себя потерянным и раздавленным, но сокрушительный удар Чэн Си мигом вытряхнул из его головы всю меланхолию.

— В тот день на руинах Города Светлой Луны погиб именно я. А значит... значит, тот юный заклинатель меча наверняка выжил.

Спустя полчаса Су Сяотань, с набитыми лекарственной травой ноздрями, уже уныло плелся вслед за Чэн Си и Ли Цзином по заросшей тропинке. В руках Ли Цзина покоился поврежденный меч Облачная Дымка. Тонкая, похожая на белый дымок нить на его лезвии почти истаяла, но всё ещё упрямо тянулась вперед, указывая путь к руинам Города Светлой Луны — того самого, чью гибель они только что созерцали.

Некогда величественный, шумный город теперь лежал в руинах, поглощённый сорной травой. Пруды и каналы высохли, а сквозь выбитые плиты мостовой пробивались россыпи мелких белых цветов. Глядя на запустение вокруг, Су Сяотань становился всё мрачнее. Чтобы отвлечь его от горестных мыслей, Чэн Си поспешил завязать разговор и рассказал о странном видении, застигшем его на границе иллюзии и яви.

— По идее, там должно было явиться твоё самое сокровенное, незабываемое воспоминание, — гнусаво проговорил Су Сяотань. — Но когда я попытался нащупать твоё духовное пространство, там не обнаружилось вообще ничего. Ты просто спал стоя посреди крошечной тьмы. Полная пустота. Полагаясь на свой многолетний опыт, смею утверждать: те огни и юноша тебе просто пригрезились.

Чэн Си на секунду задумался. Он был абсолютно уверен, что никогда в жизни не видел подобного зрелища. В Линчжоу во время праздников мостовые устилали свежими цветами, но никто никогда не разбрасывал магические призрачные огни. Да и если говорить о потаенных желаниях, способных породить демона разума, то его мысли занимали бы куда более приземленные вещи: смартфоны, компьютеры и видеоигры — сокровища цивилизации, которым во всём этом мире не нашлось бы и блёклой замены.

Иллюзии — они на то и иллюзии, чтобы обманывать взор. Наверное, и впрямь померещилось.

— На досуге тебе не мешало бы заняться чем-нибудь полезным, — вздохнул Су Сяотань. — На моей памяти ты первый, чья душа предпочитает просто беспробудно дрыхнуть в чертогах разума. К тому же, маленький бессмертный господин, ты как-то подозрительно безучастен к жизни. Даже у самых нелюдимых праведников в душе расцветает хоть какой-то образ — вековые сосны или, скажем, чистый снег. Но у тебя там непроглядный мрак. Неужели тебя вообще ничто не держит в этом мире?

Чэн Си к тому времени окончательно выбился из сил. Он безвольно висел на спине у безропотного Ли Цзина, свесив руки и ноги, точно разомлевший на солнце ленивец. Услышав слова спутника, он с трудом приподнял голову и воззрился на него затуманенным взором:

— Чего-о? Неужели я и впрямь кажусь унылым? Да я же по жизни неисправимый оптимист!

Су Сяотань:

«...»

Беру свои слова назад. Никакой ты не разочарованный в жизни философ. Ты просто ленивый до мозга костей бездельник.

<http://bllate.org/book/18408/1799597>